

лобъ, другой переворачивая страницы какого-нибудь греческаго или римскаго поэта, драматурга эпохи Елизаветы или современнаго философа. Радикальное отродье вѣчно присутствовало при немъ въ послѣдніе годы, сидя неподалеку за отдѣльнымъ столомъ, и писало какое-нибудь упражненіе или, сидя у ногъ своего благодѣтеля, слушало волшебную сказку. Оба казались очень счастливы, а между тѣмъ Викторіану такое сообщество представлялось совсѣмъ неестественнымъ.

А теперь присутствіе этой дѣвушки въ домѣ его раздражало. Ихъ случайныя встрѣчи были рѣдки, и со всѣмъ тѣмъ онъ постоянно ожидалъ, что встрѣтится съ нею на лѣстницѣ или въ корридорѣ. Онъ всегда удивлялся, если, придя къ матери, не заставаля ея тамъ.

Онъ порѣшилъ въ своемъ умѣ, что она хитрая интриганка, опасный элементъ въ домѣ. Какъ быстро затянула она своей паутиной этого безразсуднаго, впечатлительнаго Несторіуса, а мистриссъ Мольчиберъ, свѣтская женщина, которой слѣдовало быть гораздо опытнѣе, постоянно расхваливаетъ ее. Она обошла его брата, когда была маленькимъ ребенкомъ, а теперь змѣя выросла, и ея извилистыя движенія были еще опаснѣе.

Брумъ и окраины Брума казались еще противнѣе обыкновеннаго лорду Лашмеру въ то октябрьское утро, когда лэди Кэрмино сидѣла напротивъ него, закутанная въ коричневый бархатъ, обшитый соболемъ, и въ небольшой собольей шапочкѣ на головѣ, необыкновенно какъ приставшей къ ея роскошнымъ золотистокаштановымъ волосамъ. Еслибы для его счастья достаточно было присутствія красивой женщины или удовольствія ѣхать въ восьми-рессорной каретѣ, то онъ долженъ былъ бы считать себя счастливымъ. Но сегодня даже красота лэди Кэрмино какъ-будто потускнѣла въ его глазахъ.

— Вашъ бархатъ и соболь страдаютъ отъ пыли и дыма, — замѣтилъ онъ, бросивъ неодобрительный взглядъ на ея богатый костюмъ.

— О! я уже цѣлую вѣчность ношу это платье. Я буду рада, если оно испортится.

Лашмеръ разсѣянно оглядѣлъ улицу и замѣтилъ двухъ плохо-одѣтыхъ, въ ситцевыя платья, фабричныхъ дѣвушекъ, кутавшихся въ жалкіе шерстяные платки отъ рѣзкаго восточнаго вѣтра; и ему невольно подумалось, что радикальные вопли о неравенствѣ состояній составляютъ одну изъ темъ, для которыхъ всегда найдутся слушатели. Допуская даже, что всякій планъ для уравни-нія состояній одинаково нелѣпъ и невозможенъ, контрастъ все-